

Рохлина Татьяна Александровна

ШВАНК КАК ЖАНР НЕМЕЦКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ XV-XVI ВВ. И ЕГО ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье раскрывается понятие смеховой культуры, описывается специфика данного аспекта западноевропейской культуры в эпоху средневековья и Ренессанса, рассматриваются особенности картины мира человека изучаемого периода с целью всестороннего исследования репрезентации феномена комического в жанрах народной смеховой культуры. Основное внимание уделяется описанию особенностей немецкого прозаического шванка, исследуется его связь с другими литературными жанрами смеховой культуры, устанавливается специфика его прагматики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. II. С. 163-166. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.112.2

Филологические науки

В данной статье раскрывается понятие смеховой культуры, описывается специфика данного аспекта западноевропейской культуры в эпоху средневековья и Ренессанса, рассматриваются особенности картины мира человека изучаемого периода с целью всестороннего исследования репрезентации феномена комического в жанрах народной смеховой культуры. Основное внимание уделяется описанию особенностей немецкого прозаического шванка, исследуется его связь с другими литературными жанрами смеховой культуры, устанавливается специфика его прагматики.

Ключевые слова и фразы: смеховая культура; карнавальная культура; комическое; немецкая литература; шванк.

Рохлина Татьяна Александровна

*Московский государственный лингвистический университет
info@linguanet.ru*

**ШВАНК КАК ЖАНР НЕМЕЦКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ XV-XVI ВВ.
И ЕГО ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]**

По мнению многих исследователей феномена комического и, в частности, В. Я. Проппа, чувство комического специфично для каждой эпохи и для каждого народа. Оно может быть непонятным и недоступным для других эпох [7, с. 21]. В связи с этим при изучении литературных жанров смеховой культуры помимо языковой составляющей текста к анализу должны быть привлечены данные культурно-исторического характера, отражающие картину мира человека эпох Средневековья и Ренессанса.

В культуре западной Европы смех постепенно занимает прочное место, начиная с XIII в. До этого периода все, относящееся к смеху и веселью презиралось и запрещалось [4, с. 216]. В отношении комического, развивающегося и процветающего в народной культуре, М. М. Бахтин применяет термин «смеховая культура». Мировосприятие сквозь призму смеховой культуры существует наряду с официальным мировоззрением, сформированным, главным образом, церковными культами. В смеховой культуре воплощается аспект жизни, построенный по ту сторону официального. М. М. Бахтин обозначает это явление термином «двумирность», утверждая, что без ее учета невозможно постижение культурного сознания Средневековья и Ренессанса [2, с. 10]. Второй мир строится как пародия на официальную жизнь с ее правилами, предписаниями и ограничениями, как «мир наизнанку» [Там же, с. 16]: в частности, пародии на церковные культы, превращение королей в шутов, мужчин в женщин, замена мудрости глупостью.

Вслед за М. М. Бахтиным, в качестве характерных черт народной смеховой культуры мы отмечаем карнавальный характер и связанную с ним площадность.

Карнавал как всеобщее празднество появляется в городах в позднее средневековье. Являясь городским феноменом, возникшим на площади, карнавал всенароден и универсален, поскольку в нем принимают участие граждане различных сословий. Карнавал дарит средневековому человеку чувство свободы, снимая официальные ограничения и запреты. Народный смех сбрасывает серьезность, избавляет от страха и освобождает чувственную природу человека [6, с. 92].

Всеобщность, характерная для смеховой культуры средневековой эпохи, постепенно исчезает с течением времени, в связи с этим меняются некоторые аспекты смеховой культуры. На место духа всеобщности приходит классовая борьба, а народный универсальный смех перерождается в сатиру на общественное устройство [Там же, с. 95].

Эпоха Возрождения наложила свой отпечаток на народную смеховую культуру в виде осуждающей морали. Таким образом, в литературных произведениях западноевропейской смеховой культуры XV-XVI вв. соединились некоторые черты карнавальной культуры Средневековья и нравственные тенденции Ренессанса.

Шванк, возникший на границе эпох, вообрал в себя черты обеих, что сделало его своеобразным жанром немецкой смеховой культуры.

Одними из первых произведений смехового жанра являются французские фаблио, сложившиеся к XII-XIII вв., существовавшие сначала в устной форме как сатирические или развлекательные небольшие рассказы, и которые позднее были насыщены городскими чертами и приобрели то литературное оформление, которые знакомы нам сегодня [1, с. 112]. Фаблио оказали большое влияние на европейскую литературу, в том числе, на итальянскую и позднее немецкую, где аналогичными жанрами являются соответственно фацетии и шванки.

Существуют различные определения шванка. Так, В. Кош определяет шванк как шуточный рассказ или небольшую шутовскую комедию, народную, часто очень грубую, местами даже непристойную [14, S. 265].

П. Меркер и В. Штаммлер дают следующее определение шванка – шуточный, веселый рассказ, стихотворный или прозаический, небольшой по объему или объемный, для которого характерна грубость, зачашую переходящая в непристойность, однако, с поучительными чертами [15, S. 208].

Таким образом, существенными характеристиками шванка являются шутовство, грубость, непристойность и поучительный характер.

Существительное «Schwank», обозначающее название жанра, является производным от глагола «schwingen» – качать, размахивать, в значении «размахивать оружием и наносить им удар» (eine Waffe schwingen und einen Streich mit ihr ausführen) [12, S. 138]. Всех персонажей шванка можно условно разделить на две группы: игрок и противник, роли которых не меняются на протяжении всего произведения. Активная фигура, наносящая удар (Streich) противопоставлена пассивной, которая этот удар принимает. Также персонажи шванка противопоставлены друг другу как победитель – побежденный. Действие ведет к победе одного и к разоблачению другого, в чем состоит смысл произведения [Ibidem].

Исследователь немецкой литературы Средневековья и эпохи Возрождения Б. И. Пуришев отмечает большое сходство между итальянскими фацетиями и сложившимися под их влиянием немецкими шванками [8, с. 6]. Существуют немецкие сборники фацетий, авторами которых являются А. Тюнгер и Г. Бебель и которые обладают сходным сюжетом с их итальянскими предтечами, за исключением того, что действие переносится в немецкие города и деревни, а при высмеивании некоторых недостатков смещены акценты. Так, вторая фацетия из сборника А. Тюнгера в точности повторяет сюжетную линию фацетии П. Браччолини «Об отце, который упрекал сына за пьянство» [3, с. 149]. При сравнении этих произведений можно отметить некоторые различия. В зачине итальянского произведения автор не указывает времени и места действия, а главные действующие лица представлены как «отец» и «сын». В немецком аналоге приводится указание местности и небольшое комическое замечание автора:

«Es hatte einer aus Bayern einen Sohn, der mehr überwunden ward von dem Wein, als dass er den Wein überwand» [13, S. 4]. / «Один человек из Баварии имел сына, который был слишком сильно сражен вином, чтобы самому с ним сразиться».

Таким образом, уже в зачине А. Тюнгер «привязывает» действие к определенной местности Германии и своим комментарием настраивает читателя на комичный лад.

Несмотря на сходство жанров, шванки и фацетии различаются по тематике. Большинство фацетий посвящено осмеянию недостатков политического и классового устройства, отношений в семье. Тематика немецких шванков схожа, однако, имеет свои особенности: большое количество шванков посвящено отношениям между слугами и их хозяевами, между супругами, между представителями бюргерства и духовенства. Персонажем шванка является собирательный образ священника, торговца, адвоката, слуги и др., главными же героями фацетий зачастую являются реально существовавшие, известные люди, такие как Данте Алигьери, Чинчо Романо и др.

Жанр немецкого шванка развивается, постепенно претерпевая изменения. В то время как комизм итальянских фацетий строился на ироническом воздействии речи, комизм немецких шванков стал основываться на комическом эффекте от поступка [10, S. 13; 12, S. 3].

Шванкам присущ национальный колорит, в них часто описываются ситуации, приуроченные к той или иной местности Германии. Каждый автор помещал своих героев в ту местность, которая была ему хорошо знакома. Так, местом действия у А. Тюнгера являются Бодензее, Страсбург, Эрфурт, Шпейер; у Й. Викрама – Эльзас, Брейсгау, Швейцария, Бавария, Франкония. Небольшое количество его шванков разыгрывается в Италии, Париже, Гарлеме. Иногда автор помещал действие в выдуманное им самим место. Так, например, шванки Я. Фрея или Г. Бебеля, который специально выдумал деревню Мундингген – средоточие глупцов – задолго до появления «Шильдбюргеров» – немецкой народной книги о чудаках из Шильды. Шванки Г. Бебеля вообще отмечаются национальным колоритом. Так, многие из его шванков посвящены швабам, у которых он заимствовал много национального для своих произведений [10, S. 11].

Главными персонажами шванков являются плуты, шуты, глупцы, обманщики, обжоры, пьяницы, шарлатаны, взяточники, хитрые жены, нерадивые слуги, грубые крестьяне.

Отличительной особенностью жанра шванка является совмещение в себе одновременно двух задач: развлекательной и дидактической. Дидактическая составляющая преобладает в шванках Й. Паули, М. Монтана, В. Шуманна, В. Кирхгофа. Более развлекательными являются произведения Я. Фрея, М. Линденера, Й. Викрама.

Несмотря на то, что шванк носит общественный характер, он не является чисто критическим зеркалом общества, и небольшой процент произведений этого жанра является чистой сатирой. Для шванков условием возникновения смеха зачастую является классовое чувство (автор встает на сторону определенного класса, что изначально настраивает читателя враждебно по отношению к противостоящему социальному классу). Критика в шванке главным образом направлена против крестьянства и клерикалов, что было связано с антирелигиозными движениями того времени и отрицательным отношением к крестьянству со стороны основного читателя шванков – бюргера [12, S. 54].

Немецкая смеховая культура заимствовала из площадной карнавальской культуры некоторые образы. Так, одним из центральных образов западноевропейской смеховой культуры является образ шута, плута или дурака. Для немецкой смеховой культуры образ дурака (шута) является одним из ключевых и находит свое отражение в шванке. Так, дуракам посвящены многочисленные шванки Й. Паули, Й. Викрама, М. Монтана, В. Кирхгофа и др. Широко известен сборник народных рассказов о Тилле Уленшпигеле, в котором главным персонажем является плут, каждый раз попадающий в нелепые ситуации.

Немецкий исследователь жанра шванка В. Дойферт подробно описывает фигуру дурака в произведениях рассматриваемого жанра. Она отличается от всех прочих, так как находится вне классово-разделенного общества. Так, например, придворные шуты выполняли определенную функцию, но не были интегрированы в то общество, в котором функционировали [Ibidem, S. 123]. Изучив специфику данной фигуры в шванке,

исследователь приходит к выводу, что общей чертой, характерной для образа дурака / шута является аутсайдерство: как придворный шут, так и дурак из буржуазно-крестьянского мира или авантюрист в обличье дурака противопоставлены обществу с самого начала или постепенно отделяются от него [Ibidem, S. 134].

Дурак понимает мир иначе и поэтому поступает неправильно, поскольку в основе его мира лежат иные нормы, чем в основе мира остальных людей. В приведенном исследователем примере шванка М. Монтана «Ein Narr weint, wenn die Sonne scheint, und lacht, wenn es regnet» / «Дурак плачет, когда светит солнце, и смеется, когда идет дождь» в основе поведения дурака лежит неправильное, перевернутое отношение ко времени, так как он живет не в настоящем, а в будущем: он плачет, когда светит солнце, для того чтобы пошел дождь, и смеется, когда идет дождь, в ожидании хорошей погоды [Ibidem, S. 146-147]:

«Ja, wenn es schön ist, so muss ich sorgen, dass es regnet: darum weine ich. Und wenn es regnet, so muss ich warten, bis schönes Wetter kommt: darum lache ich» [11, S. 200].

Еще одним важным образом в произведениях смеховой культуры является образ черта или дьявола. Поскольку в средневековье смех рассматривался как способ борьбы со страхом, дьявол как самый негативный элемент христианской культуры зачастую выступал в жанрах смеховой культуры как комический персонаж. В сочетании с серьезным и страшным комическое обретало свою полноту [9, с. 20].

В некоторых шванках описаны козни дьявола или обыгран его образ в комическом аспекте. Так, в шванке Й. Викрама «Woher es kommt, dass man spricht: *„Ei, du armer Teufel“* und wiederum: *„Das ist eben des Teufels Dank“*» главному герою снится сон о том, что черт показывает ему спрятанные в лесу сокровища и предлагает пометить это место испражнениями, в результате чего мужчина во сне испражняется в собственную кровать:

«Nicht lange danach träumte diesem guten Mann, wie ihm der Teufel in einem Wald begegnete und spräche: *„...so will ich dir einen Ort zeigen, da ein großer Schatz begraben liegt... Scheiß dazu, so wirst du ihn wiederfinden können.“* Der Mann folgte dem Teufel und vermeinte, er schisse zu dem Baum. Und da er erwachte, hatte er in das Bett geschissen und lag im Dreck» [11, S. 144].

Таким образом, в данном шванке дьявольские козни преподносятся в качестве злобной шалости, что сбрасывает серьезность с этого образа и страх перед ним.

Одной из центральных тем фольклорных произведений западноевропейской литературы и немецкого шванка, в частности, является тема еды. Европейец эпохи Средневековья жил в постоянной угрозе голода вследствие многих причин (демографический рост населения, отсутствие социальной защиты, слабо развитая экономика), поэтому обильная и вкусная еда часто является темой мифов, легенд и рассказов [6, с. 84]. Однако, несмотря на то, что в шванке тема еды прослеживается достаточно четко, нельзя сказать, что она определяет тематику жанра, скорее, она представляет собой фон, на котором разворачиваются основные события и который способствует высвечиванию определенных недостатков. Так, действие шванка, направленное на осмеяние жадности или невоспитанности зачастую происходит на фоне застолья. Например, в шванке М. Монтана «Die Zeche begehrt ein Wirt von zweien, die sie vor 40000 Jahren schuldig geblieben sind» [13, S. 232-233] высмеивается жадность двух персонажей, не желающих платить хозяину постоялого двора за ужин.

Темы еды, выпивки и полового наслаждения находят широкое отражение в шванке как жанре смеховой культуры, поскольку они были несчастными в повседневной жизни, и символизируют свободу, к которой стремился народ в средневековом карнавале, в официальной жизни связанный различными правилами и предписаниями.

С течением времени сюжет шванков перетекает на почву современности, появляются новые персонажи, старые исчезают. С XVII в. начинается постепенный упадок жанра, большинство шванков данного периода представляют собой переработку старого материала, новые сюжеты появляются относительно редко [5, с. 15]. В XVIII-XIX вв. вследствие попыток возродить жанр шванк сокращается в объеме и приближается по структуре и характеру к анекдоту [Там же, с. 16]. С XX в. жанр шванка прекращает развитие и существует в застывшей форме [Там же, с. 18].

Можно предположить, что шванк в классическом понимании «затух» из-за «техники остроумия» (термин А. Н. Лука). Язык остроумия шванков не кажется таковым в настоящее время, но именно этот язык является незаменимой составляющей данного жанра, и с изменением языка изменился бы жанр. Кроме того, изменилось отношение к предмету шутки. Это касается, в частности, вопросов лечения, судебных дел, особенностей той или иной профессии, так как эти стороны жизни с течением времени изменились, приобрели иные черты, которые сделали невозможным, неактуальным смех над их прежним состоянием.

Список литературы

1. Алексеев М. П., Жирмунский В. М. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение. М.: Высшая школа, 1987. 415 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. Браччолини П. Фацетии. М.: Терра, 1996. 336 с.
4. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
5. Десятникова И. В. Структурно-композиционные и диалектные особенности шванка российских немцев: дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 180 с.
6. Кравченко Ю. И. Смеховые начала средневековой культуры: Запад и Русь: дисс. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2004. 124 с.
7. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.

8. **Пуришев Б. И.** Немецкие прозаические шванки и народные книги эпохи Возрождения // Немецкие шванки и народные книги XVI века. М.: Художественная литература, 1990. С. 5-13.
9. **Соловьева М. В.** Средства выражения комического в старофранцузском эпосе: на материале эпического цикла Гильома Оранжского: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 180 с.
10. **Albrecht G.** Einleitung // Deutsche Schwänke in einem Band. Weimar, 1983. S. 5-28.
11. **Das Volk, das Lacht. Deutsche Schwänke des 15. und des 16. Jahrhunderts** / Ausgewählt, in heutige Sprachform gebracht, eingeleitet und erläutert von G. Jäckel. Berlin, 1966. 398 S.
12. **Deufert W.** Narr, Moral und Gesellschaft. Grundtendenzen im Prosaschwank des 16. Jahrhunderts. Bern – Frankfurt/M., 1975. 158 S.
13. **Deutsche Schwänke in einem Band.** Ausgewählt, übertragen und eingeleitet von G. Albrecht. Weimar, 1983. 381 S.
14. **Kosch W.** Deutsches Literatur-Lexikon. Bern – München, 1956. Bd. 3. 365 S.
15. **Merker P., Stammler W.** Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Berlin, 1928-1929. Bd. 3. 413 S.

SCHWANK AS GENRE IN GERMAN HUMOR CULTURE OF THE XV-XVI CENTURIES AND ITS PRAGMATIC ASPECT

Rokhlina Tat'yana Aleksandrovna
Moscow State Linguistic University
info@linguanet.ru

This article reveals the concept of humor culture, the specific character of this aspect of West European culture during the epoch of the Middle Ages and Renaissance is described, the peculiarities of a person's worldview in the period under study are considered to research thoroughly the representation of comic phenomenon in the genres of folk humor culture. The main attention is given to the description of the peculiarities of the German prosaic schwank, its relation to the other literary genres of the humor culture is studied and the specific character of its pragmatics is stated.

Key words and phrases: humor culture; carnival culture; comic; German literature; schwank.

УДК 372.882; 894.341 (575.2)(043.3)

Филологические науки

Статья раскрывает идейное содержание публицистики известного писателя Чингиза Айтматова, художественные произведения которого были переведены на сотни языков мира, а публицистика – на немногим более десятка языков, т.е. осталась малоизученной в современной литературоведческой науке. Основное внимание автор акцентирует на дискурсивном анализе основных проблем, поднятых Ч. Айтматовым и его соавторами, в целях понять всю сложность объективной существующей реальности.

Ключевые слова и фразы: актуальность; публицистика; наука и искусство; мировоззрение; сложность действительности.

Сабирова Венера Кубатовна, к. филол. н., доцент

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Ош Кыргызской Республики
sabirova_venera@mail.ru

ИДЕЙНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ПУБЛИЦИСТИКИ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА[©]

По мнению ряда ученых, все произведения Чингиза Айтматова столь же философичны, сколь и публицистичны. Публицистика пронизывает структуру последних произведений в особенности, потому что сама суть авторских идей, рожденных всесветной бедой и тревогой, злободневна и актуальна.

Публицистичность взглядов писателя видна почти невооруженным глазом не только на тех страницах, где она выходит наружу в виде авторских отступлений и филиппик, реминисценций и обращений к читателю, но и там, где она живет, в образах людей и животных, описанных им в его творчестве. В статьях, выступлениях, интервью, диалогах с разными людьми своего поколения писателя такого уровня, как Чингиз Айтматов, мы сможем найти новый смысл его художественных произведений, неожиданную глубину образов известных повестей и романов, важное качество идей и мыслей поистине талантливого писателя. Писать Ч. Айтматов стал, будучи студентом сельскохозяйственного института имени К. М. Скрябина (ныне Аграрная академия), начиная с очерков о «Русско-киргизском словаре», «О терминологии киргизского языка», «Переводы, далекие от оригинала» в газеты «Комсомолец Киргизии», «Советская Киргизия» еще в начале 1950-х годов.

Признание в мире писателя Чингиза Айтматова началось с публикации повести «Джамиля» в 1958 году, с тех пор его слава крепилась повестями: «Материнское поле», «Первый учитель», «Белый пароход», «Ранние журавли», «Прощай, Гульсары!» и романами «Буранный полустанок», «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы» и др. Размышления о судьбе писателя приводят к выводу, что талант всегда пробьет